

Евгения
Гинзбург

Крутой маршрут

Хроника времен культа личности

Москва 2023

Часть I

Глава первая

Телефонный звонок на рассвете

Тридцать седьмой год начался, по сути дела, с конца 1934-го. Точнее, с первого декабря 1934-го⁶.

В четыре часа утра раздался пронзительный телефонный звонок. Мой муж — Павел Васильевич Аксенов, член бюро Татарского обкома партии, был в командировке. Из детской доносилось ровное дыхание спящих детей.

— Прибыть к шести утра в обком. Комната 38.

Это приказывали мне, члену партии.

— Война?

Но трубку повесили. Впрочем, и так было ясно, что случилось недоброе.

Не разбудив никого, я выбежала из дому еще задолго до начала движения городского транспорта. Хорошо запомнились бесшумные мягкие хлопья снега и странная легкость ходьбы.

Я не хочу употреблять возвышенных оборотов, но чтобы не погрешить против истины, должна сказать, что если бы мне приказали в ту ночь, на этом заснеженном зимнем рассвете, умереть за партию не один раз, а трижды, я сделала бы это без

---

6. 1 декабря 1934 г. в Ленинграде был убит первый секретарь ленинградского обкома ВКП(б) С. М. Киров, что послужило началом развёртывания массовых политических репрессий в СССР, вошедших в историю как Большой террор 1937–1938 гг.

...К десяти годам тюремного заключения со строгой изоляцией и с поражением в правах на пять лет...⁶⁹

Все вокруг меня становится светлым и теплым. Десять лет! Это значит — жить!

...И с конфискацией всего лично ей принадлежащего имущества...

Жить! Без имущества! Да на что мне оно? Пусть конфискуют! Они ведь разбойники, как же им без чужого имущества! Мое-то им вряд ли пригодится... Ну книги, ну платья... Даже приемника у нас нет. Ведь мой-то муж — настоящий старый коммунист, ему не нужны были ваши «бьюики» и «мерседесы»... Десять лет... И вы думаете еще десять лет разбойничать тут, судаки маринованные? Вы всерьез надеетесь, что в партии не найдется людей, которые схватят вас за руку? А я знаю — есть такие люди... И рано или поздно — конец вам придет... И ради того, чтобы увидеть этот конец, надо жить. Пусть в тюрьме, все равно! Жить!

Если бы они смотрели в лица своим жертвам, они, наверно, прочли бы в моих глазах все эти немые выкрики. Но они не смотрят на меня. Отчитав, они быстрым шагом направляются «с колокольни долой». Гуськом выходят из комнаты. Теперь у них, наверно, перекур. А там опять... Норма большая.

Я оглядываюсь на конвоиров, все еще держащих за моей спиной скрещенные руки. Каждая жилочка во мне трепещет восторгом бытия. Лица конвоиров кажутся мне симпатичными. Простые парни. Рязанские или курские. Чем они виноваты? По мобилизации, наверно. И руки вот скрестили, хотели поддержать. Но это они напрасно. Я не буду падать.

Я вдруг встряхиваю локонами, закрученными перед судом для того, чтобы не осрамиться перед тенью Шарлотты Корде. Потом дружелюбно улыбаюсь конвоирам, которые с удивлением смотрят на меня.

---

69. Поражение в правах после отбытия наказания означало лишение избирательных прав. Однако в действительности этот приговор распространялся на все главные сферы жизни человека: бывший осужденный ограничивался в выборе места жительства, работы, учебы и т. п.

Глава тридцатая

«Каторга! Какая благодать!»

— Обедать вы не будете? — спрашивает меня надзирательница, похожая на сестру-хозяйку. У нее тоже опыт. Она знает, что после приговора люди не хотят есть.

— Обедать? Почему не буду? Обязательно буду, — весело отвечаю я и в ожидании обеда оживленно перекладываю вещи в моем узле. Я слышала, что если приговор не смертный, то в Лефортове не держат, а отправляют обратно в Бутырки.

И я с удовольствием жду отправки. Там общая камера. Люди. Товарищи по несчастью.

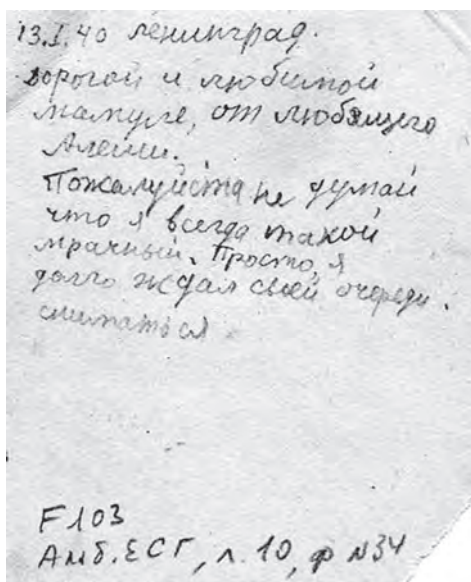
Приносят обед. Не в жестяных, а в эмалированных мисках. Мясной суп и манная каша с маслом. Манная... Гуманная... Это из гуманных соображений, видимо, такой хороший обед дают приговоренным к казни, которых в этой тюрьме так много. Согласно традициям, оставшимся от гнилого либерала — Николая II.

Я старательно съедаю весь обед. Теперь я буду обязательно все есть, хорошо спать, делать по утрам гимнастику. Я хочу сохранить жизнь. Назло им! Я вся охвачена мощным чувством — желанием дожить до конца этой трагедии в нашей партии. Именно в эти минуты я больше чем когда-нибудь уверена, что всю партию они не уничтожат, что найдутся силы, способные остановить преступную руку. Дожить, дожить до этих дней... Сцепив зубы... Сцепив зубы...

Долго повторяю про себя эти слова, и они вызывают в памяти строки Пастернака из поэмы «Лейтенант Шмидт»:

*Версты обвинительного акта...
Шапку в зубы! Только не рыдать!
Недра шахт вдоль Нерчинского тракта!
Каторга! Какая благодать!*

Слова эти вдруг потрясают до основания. Настоящая цена поэтических строк проверяется именно в такие моменты.

↑ Сын Алексей в Ленинграде.
13 января 1940

↑
Надпись на обороте: «Дорогой и любимой мамуле, от любящего Алешки. Пожалуйста не думай что я всегда такой мрачный. Просто, я долго ждал своей очереди сниматься»

Кроме общего горя страны, которое мы, отверженные, переживаем еще острее, еще изумленнее, чем другие, у каждого теперь есть еще свой собственный ужас. Дети! Наши дети! Ведь в этой обстановке расплывут прежде всего их, наших сирот...

У многих семьи в тех городах, которые уже заняты фашистами. Пройдет некоторое время, и мы узнаем, что гитлеровцы расстреляли в Ростове четырнадцатилетнюю Ларочку, дочку нашей соседки по нарам. Фотографией этой удивительной красавицы мы всегда любовались, а когда мать читала нам вслух ее письма — заслушивались. Надо же, при такой наружности еще и душа такой редкостной красоты. Ларочку — полукровку, полуукраинку, полуеврейку — расстреляли по доносу ее школьной подруги, ревновавшей Лару к однокласснику.

Теперь все чаще между названиями городов я слышу слово, которое откликается во мне самым кровным, самым раздирающим. Ленинград. Алеша. Первенец мой.

Нет, это мне не кажется задним числом. Я знала, что потеряю его. Никогда не говорила себе этого словами, но всегда ощущала безошибочностью инстинкта. Он был еще жив в эти первые месяцы войны, а я уже стыла от отчаяния и сверлила темноту ночного барака бессонными глазами. Не в силах была от этой угрозы пальцем пошевелиться. Коченела, как мертвая. Знала.

Днем я стараюсь быть, что называется, разумной. Ведь нам всегда кажется, что разумно именно то, что заглушает единственно верный нутряной пророческий голос. Я выслушивала утешения товарищей. Конечно, он не успеет попасть на фронт. Ведь ему еще нет и шестнадцати. Война кончится. И от себя добавляла вслух, что мои ленинградские родственники, приютившие Алешу, хорошие, солидные люди. Они, конечно, сделают все, чтобы вовремя эвакуировать мальчика. Так говорила и старалась думать днем. Но по ночам твердо знала, что еще и эта главная казнь моей жизни уготована мне, и вот он настанет, час ее исполнения.

...Однажды мимо Полевого Стана, где мы что-то пропалывали, прошла вольная медсестра из деткомбината. Эта Анечка — колымский вариант людоедки Элочки Щукиной¹⁵³ — прибыла сюда за «длинным рублем», чтобы в дальнейшем посрамить своими туалетами если не дочку Вандербильда, то уж, во всяком случае, всех модниц своего родного города Бузулука.

В либеральные довоенные времена Анечка иногда приходила ко мне на мое ночное дежурство в изоляторе деткомбината и с пристрастием расспрашивала: как, мол, там, на курортах, ответственные дамы одевались-то? Поскольку сама Анечка дальше Бузулука нигде не бывала. При всем том Анечка была очень добра, чувствительна, легко плакала от жалости к больным детям и их злополучным матерям, совала кормящим мамкам куски сахара и конфеты. Мне она всегда оказывала неоценимую

---

153. Элочка-людоедка — персонаж романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», смыслом жизни которой были дорогие заграничные наряды.

↑ *Евгения Гинзбург, Антон Вальтер, Василий и Антонина Аксеновы.
Начало 1950-х*

Вася, относившийся к Тоне с тем же добродушием, что и к кошке Агафье, никак не мог переключить этот вопрос в серьезную плоскость. Он молчал, но я видела, что все Юлины аргументы кажутся ему убедительными.

Антон подошел к моему намерению с другой стороны:

— А ты подумала, имеем ли мы право связывать судьбу ребенка с нашей обреченной судьбой?

Все это было очень огорчительно, хотя ничуть меня не убеждало. Ведь они не знали, не могли знать, что все их доводы от рассудка не имеют для меня никакого значения, что для меня появление Тони в моей жизни — не бытовое происшествие, а нечто тайное, почти мистически связанное с Алешей.

И я, выслушав все возражения, отправилась на другой день в отдел опеки и попечительства. Полный крах! Оказалось, что лица, неблагонадежные в политическом отношении, правом усыновления не пользуются.

— Скажите спасибо, что на собственных детей материнства вас не лишили! Еще чего придумали — чужих усыновлять! — злобно отчитывала меня тетка, сидевшая в этом отделе и, очевидно, совсем ошалевшая от полного безделья. — И думать забудьте!

Под высокой прической у нее торчали ушки, маленькие, но оттопыренные, как у летучей мыши. Пухлые губы, извергавшие все эти словеса, были аккуратно намалеваны бантиком.

Вечером этого дня, когда мы оказались наедине с Антоном и я рассказала ему о своем визите в учреждение, решающее судьбы детей, он, видя мое горе, стал говорить о моей доброте, о том, что, конечно, девочке лучше всего было бы со мной, но...

— Господи! При чем тут моя доброта! Никакой тут доброты нет... Ну ты-то, ты-то разве не понимаешь, что Тоня нужна мне больше, чем я ей?

Услышав эти слова, Антон осекся, задумался... Больше он никогда не сказал ни слова о неблагоприятности этого поступка.

(На протяжении дальнейших тринадцати лет он был для Тони больше чем родным отцом. К несчастью, он умер, когда Тоне шел всего только пятнадцатый год. И все овраги и рытвины ее юности мне пришлось преодолевать уже без него. Юлины предсказания насчет неизвестной наследственности в какой-то мере сбылись. Были моменты, когда я впадала в полное

*Евгения Гинзбург
с Антоном Вальтером
и дочерью Антониной
в Парке культуры
им. Горького в Магадане.
1951* ↑

↑ *Евгения Гинзбург с дочерью Антониной в Магадане. 1950-е*

Хуже всего обстояло дело с Тоней. Страшно было подумать, что она снова окажется в детдоме, теперь, после того как узнала домашнюю жизнь с папой и мамой. Наше нынешнее странное поведение ей очень нравилось: никто никуда не спешил, никто не ходил на работу. Она просыпалась веселая, пела в кровати, хлопала в ладоши, кричала:

— Папа дома! Мама дома!

Я грызла себя раскаянием: разве можно было связывать ребенка с моей жизнью, в которой хозяйничают демоны! Это был чистейший эгоизм с моей стороны! Мне нужна была замена Алеши. Нет, не замена. Его не может заменить никто, даже Вася.

Не замена, а постоянное напоминание о нем. Но не рвущее на части, а примиренное напоминание... И вот теперь...

Немного отлегло от сердца, когда получили из Казахстана письмо от Антоновых сестер, живших там на поселении. Они писали, что согласны принять девочку (которую считали нашей родной), если с нами, не дай Бог, что случится. Оказалось, что потихоньку от меня Антон писал им об этом. Юля дала слово — сразу же отправить ребенка туда с кем-нибудь из надежных вольняшек, едущих на материк.

Итак, все было сделано, предусмотрено. Оставалось ждать. И мы ждали. Ждали и наши друзья. Встречая нас на улице, они радовались: ходят еще! Приходя к нам, они сначала стучались к Гусевым, чтобы узнать, не опечатана ли наша комната. Мы не обижались. Ведь и сами мы были парализованы страхом. Везде нам грезились стукачи или люди из «белого дома». Обжегшись на любителе поэзии, Кривошее, мы теперь с подозрением относились ко всякому незнакомому человеку.

Помню, как мы испугались, когда к нам явился неизвестный парень, назвавшийся дальним родственником доктора Чернова, вольного сослуживца Антона. Чернов незадолго до этого уехал на материк. Нам показалось ужасно подозрительным, что наш визитер, только что, по его словам, приехавший с Большой земли, был как две капли воды похож на лагерника. Резкие острые скулы, обтянутые сухой шелушащейся кожей.

↑ Дорога в поселок Марчекан, около 5 километров от Магадана. 1950 (?)

Бараки в поселке Марчекан, где жила Евгения Гинзбург. 1950 (?) ↓

↑ Заледневший Марчечан. Конец 1940-х — начало 1950-х (?)

Поселок Марчечан   ↓

Указатель имен

Часть I

- 1* АБДУЛЛИН Бари (Барей) Абдуллович (1899–1937), с начала 1920-х гг. на партийной работе. С 1928 г. в обкоме ВКП(б) Татарской АССР: инструктор, позже — 2-й секретарь. В 1935-м переведен в Ливенский райком ВКП(б) Курской области. Арестован 11 марта 1937 г. Обвинен в «руководстве контрреволюционной троцкистской националистической организацией в Татарской АССР и вредительстве на идеологическом фронте и в сельском хозяйстве». 3 августа 1937 г. приговорен ВКВС СССР (Военной коллегией Верховного суда СССР) к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в Москве в тот же день. Реабилитирован в 1957 г.
- 2* АБРАМОВА Зинаида Михайловна (Биби-Зямля, Хусни-зиган Муртазовна, 1898–?), сокамерница Евг. Гинзбург в Казанской тюрьме. Председатель Татарской промстрахкасси. Жена приговоренного к расстрелу по обвинению «в шпионаже в пользу Турции» председателя Совнаркома Татарии Каюма Абрамова. Арестована 15 марта 1937 г. Приговорена Особым совещанием НКВД СССР 17 июня 1938 г. как «член семьи изменника родины» к 5 годам лагерей, срок отбывала в Казахстане. Реабилитирована в 1956 г.
- 3* АКСЯНЦЕВ Моисей Израилевич (1896–1965), доктор медицинских наук, профессор Казанского института восстановительной хирургии, в 1937 г. — директор Государственного института для усовершенствования врачей (ГИДУВ). Арестован 26 января 1937 г. Осужден ВКВС СССР 1 августа 1937 г. к 10 годам лагерей. После

Фотопопослесловие

Изображения предоставлены Музеем истории ГУЛАГа. Музей собирает и изучает материалы государственных и семейных архивов; воспоминания участников событий и их личные вещи; предметы, найденные на местах расположения лагерей.

1.

Фонарь самодельный с деревянным креплением.

Первая половина — середина XX в.

Музей истории ГУЛАГа

ГМИГ КП-1981

